

Елена К.

Не та комната.

Елена К.

Не та комната.

«Автор»

2026

К. Е.

Не та комната. / Е. К. — «Автор», 2026

Анна и Макс переехали в новую квартиру, надеясь оставить прошлое позади. Но в подъезде их ждала пожилая соседка Тамара Петровна, которая знала о странном маслянистом свете в окнах больше, чем говорила. А на подоконнике появилась чёрная книга без названия — с ритуалом, который открывал дверь незванным гостям. Три удара в полночь. Скрежет по двери. Имена, проступающие на страницах, — имена живых. С каждым днём цепь затягивается туже: соседка гибнет без следов, шкатулка с голосами мёртвых оживает, а в отражениях мелькает лицо женщины в тёмном платье. Чтобы разорвать цепь, недостаточно закрыть дверь. Нужно назвать тьму по имени и сказать: «Ты не наша». Но что, если тьма не принимает отказ? Леденящий мистический триллер о том, как обычное человеческое тепло становится единственным оружием против потустороннего.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Макс.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	12
Глава 5.	15
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	22
Глава 9.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Не та комната.

Глава 1. Макс.

Макс всё чаще оставался на кухне — будто боялся уйти далеко от света. А Анна... Анна начала замечать, что он смотрит на неё странно. Не с тревогой даже, а с таким видом, будто пытается вспомнить, кто она такая.

— Ты опять трогала тетрадь? — спросил он однажды, не поднимая глаз от чашки. На столе между ними лежала та самая пожелтевшая тетрадь. Анна её не брала. Она вообще старалась держаться от неё подальше. — Я её не трогала, — тихо сказала она. — Она сама появилась на столе. Макс медленно поднял взгляд. В нём не было злости. Только усталость и что-то похожее на испуг. — Она всегда тут лежала. Ты просто не замечала.

Анна сжала пальцы в кулаки под столом. Она помнила: вчера вечером тетради здесь не было. Она сама протирала столешницу, стряхивала крошки, убирала банку с кофе. И тетради не было. Точно не было.

Но чем больше она спорила, тем спокойнее становился Макс. Словно её уверенность в собственной памяти его... успокаивала. Как будто если она сама начнёт сомневаться, всё станет на свои места.

А потом начались мелочи. То Анна находила свои вещи в чужих местах: свитер — в ящике с посудой, ключи — в морозилке. То Макс говорил, что они уже обсуждали какой-то вопрос, а она не помнила ни слова. Однажды она увидела в зеркале, как за её плечом мелькнуло чьё-то лицо — и когда резко обернулась, в комнате никого не было. Только Макс сидел в кресле и читал газету. Обычную газету, которую он купил утром.

— Что-то не так, — прошептала она вечером, когда они легли спать. Дом скрипел, как живое существо, и эти звуки уже не пугали — они стали привычными. Страшным было другое. — Всё нормально, — ответил Макс, не открывая глаз. — Просто дом старый. И мы устали.

На следующий день Анна решила проверить. Она взяла тетрадь и спрятала её в коробку с зимними вещами, засунула в самый дальний угол шкафа, сверху накрыла старым пледом. Потом вышла на кухню, села напротив Макса и просто смотрела на него.

Через полчаса он встал, подошёл к шкафу, достал коробку, открыл её и вынул тетрадь. Спокойно, будто делал это каждый день.

— Зачем ты её прячешь? — спросил он. — Нам нужно разобраться. Тут всё написано.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод. Она не видела, чтобы он подходил к шкафу. Она сидела и смотрела прямо на дверь в коридор. Он не мог пройти мимо неё незаметно.

— Макс, — её голос дрожал, — ты не ходил к шкафу. Я бы увидела.

Он посмотрел на неё долго, будто пытался разглядеть что-то важное. Потом вздохнул.

— Анна, ты опять. Ты сама её туда положила. Ты сказала, что хочешь спрятать, потому что боишься. Я просто вернул.

Она закрыла глаза. В голове звенело. Может, она правда всё путает? Может, усталость, стресс, этот дом... Может, она сама делает эти вещи и не помнит?

Но когда она снова открыла глаза, на странице тетради появилось новое имя. Её собственное. И рядом — дата. Завтрашняя.

И самое страшное было не в том, что дата была завтрашней. А в том, что почерк был точно таким же, как у неё в дневнике. Будто кто-то выучил её руку. Будто кто-то внутри неё уже знал, что будет дальше.

Макс протянул руку и аккуратно закрыл тетрадь. — Не смотри туда, — мягко сказал он. — Это просто старая бумага. Мы разберёмся.

Только Анна вдруг поняла: он не пытался её успокоить. Он пытался её остановить.

Глава 2.

Утро пахло пылью и чем-то кислым — будто дом сам по себе начал бродить, как старое варенье. Анна сидела на кухне, обхватив ладонями кружку, и смотрела на Макса. Он ел тост с маслом, как ни в чём не бывало. Будто вчера не доставал тетрадь из шкафа, будто не было этой даты — завтрашней, чужой, написанной её почерком.

— Макс, — голос у неё получился хриплым, будто она долго кричала во сне и только сейчас очнулась. — Вчера ты сказал, что я сама положила тетрадь в шкаф. Но я не могла. Я всё время смотрела на дверь. Ты не проходил мимо.

Он замер с тостом на полпути ко рту. Потом медленно опустил его на тарелку. Крошка упала и покатилась по клеёнке, словно маленький тёмный жучок.

— Анна, — он сказал это так, будто повторял заученную фразу. — Ты просто устала. Дом старый, тут всё скрипит, тени пляшут. Ты видишь то, чего нет. Это нормально.

— Нормально? — она почти выкрикнула, но тут же сжала зубы, чтобы не сорваться на крик. Крик тут не поможет. Крик сделает её похожей на сумасшедшую. А она не сумасшедшая. — Нормально, что в тетради появляется моё имя? Что дата — завтрашняя? Что вещи оказываются там, где я их не оставляла?

Макс отодвинул тарелку. Его лицо вдруг стало чужим — спокойным до жути, будто он смотрел не на жену, а на капризного ребёнка, который никак не поймёт простую вещь.

— Ты сама всё путаешь, — сказал он тихо. — И чем больше споришь, тем сильнее запутываешься. Давай сделаем по-другому. Давай я заберу тетрадь. Я её изучу. Я найду объяснение.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось в тугой узел.

— Нет, — прошептала она. — Не трогай её.

— Почему? — в его голосе впервые прорезалось раздражение. — Потому что боишься, что я найду там что-то, что тебе не понравится? Или ты боишься, что там вообще ничего нет? Что вся эта жуть — только у тебя в голове?

Она встала так резко, что стул скрипнул и отъехал назад, ударившись о стену. Звук получился оглушительно громким в этой тягучей тишине.

— Я пойду к соседям, — сказала она, уже шагая к вешалке. Пальцы дрожали, когда она пыталась попасть в рукав куртки. — Спрошу, знают ли они что-нибудь про этот дом. Про прежних хозяев. Про ритуал, если он был.

Макс не встал. Он остался сидеть, глядя на неё так, будто она собиралась выйти не к соседям, а в открытый космос без скафандра.

— Не надо, — произнёс он. — Соседи тут не живут. Ты же знаешь. Дом стоит на отшибе. Ближайший — в трёх километрах, и там старик, который никого не пускает.

Анна замерла. Куртка повисла на руке, как чужая шкура.

— Вчера там жила женщина, — тихо сказала она. — С рыжим котом. Я видела её в окне, когда мы приехали. Она помахала мне.

Макс медленно покачал головой.

— Ты её не видела, Анна. Ты придумала.

Тишина накрыла комнату, как тяжёлое одеяло. И в этой тишине Анна слышала то, чего не должно было быть: тихий шелест, будто кто-то листает страницы. Откуда-то сверху. С чердака. Хотя люк был заколочен. Хотя ключа не было.

Она подняла глаза к потолку. Там, в углу, где стыковались балки, тень казалась гуще, чем должна быть. И будто шевелилась. Совсем чуть-чуть. Как дыхание.

— Слышишь? — прошептала она, не сводя глаз с этого угла.

Макс помолчал. Потом сказал, очень ровно:

— Ничего не слышу. Только ветер.

Анна повернулась к нему. В его глазах не было страха. Только эта пугающая, ледяная уверенность, что всё в порядке. Что она сходит с ума.

И от этого стало страшнее всего.

Она шагнула к двери, не глядя, схватила ключи со столика.

— Я всё равно пойду, — сказала она. — Хоть до дороги. Хоть до первого столба. Мне нужно увидеть кого-то, кто скажет, что мир не сошёл с ума. Что я не сошла.

Макс встал. Не быстро, не резко — просто поднялся, как человек, который собирается остановить жену от какой-то глупости.

— Анна, не надо. Останься. Давай просто посидим. Попьём чаю. Завтра всё будет иначе.

«Завтра» прозвучало как приговор. Потому что завтра — это дата в тетради.

Анна открыла дверь. Холодный воздух ворвался в дом, будто сам дом выдохнул с облегчением. Она вышла на крыльцо, не оглядываясь.

Тропинка к калитке казалась короче, чем вчера. Или длиннее. Анна не могла вспомнить. Она шла, вглядываясь в каждый куст, в каждую тень, надеясь увидеть хоть что-то обычное: птицу, белку, след от ботинка. Что-то, что подтвердит: она здесь. Она реальна.

Когда она дошла до калитки и взялась за ржавую ручку, то вдруг поняла: за спиной не хлопнула дверь. Макс не вышел следом. Не позвал. Не попытался остановить.

Она обернулась.

Дом смотрел на неё тёмными окнами, как слепыми глазами. На крыльце никого не было.

А в одном из окон второго этажа, там, где была спальня, мелькнуло движение. Совсем на секунду. Будто кто-то отступил в тень.

Или будто кто-то стоял там всё это время.

Анна крепче сжала ручку. Металл впился в ладонь.

И тут она заметила на столбе калитки что-то странное. Приклеенный скотчем листок. Пожелтевший, потрёпанный по краям. На нём неровным почерком было выведено:

«Не ищи ответов снаружи. Дом всё знает. Дом всё помнит. Не буди то, что спит».

Подписи не было. Только внизу, почти стёртым, едва читаемым штрихом — короткая приписка: *«И не верь тому, кто говорит, что ничего не слышит».*

Анна стояла, вцепившись в калитку, и чувствовала, как земля под ногами становится зыбкой, будто она шла не по тропинке, а по тонкому льду.

Глава 3.

Анна не стала срывать записку. Пальцы будто примерзли к ржавой ручке калитки, а листок — пожелтевший, шершавый, будто вырезанный из старой книги — смотрел на неё, как предупреждение. Она читала эти строчки снова и снова, и с каждым разом они будто меняли смысл. «Дом всё знает» ... «Не верь тому, кто говорит, что ничего не слышит» ...

Ветер тронул волосы, холодный, колючий, будто пытался что-то прошептать ей на ухо. И в этот момент она поняла: если сорвёт листок — он исчезнет. А если исчезнет — получится, что его и не было. Как с тетрадью. Как с рыжей женщиной у окна. Как со всеми этими вещами, которые Макс так спокойно объяснял её усталостью.

Она отпустила ручку, сделала шаг назад, не сводя глаз с записки, будто боялась, что та растворится в воздухе. И тут из дома донёсся звук. Не скрип, не шорох — а глухой, тяжёлый удар, будто что-то массивное упало на пол. Или кто-то.

Анна вздрогнула, резко повернулась к дому. Окна по-прежнему смотрели слепо, но теперь в этой слепоте ей виделось что-то злое, выжидающее.

— Макс! — крикнула она, и собственный голос прозвучал жалко и тонко на фоне безмолвия участка. — Макс, ты в порядке?

Тишина. Ни ответа, ни шагов, ни скрипа половиц. Только ветер, который теперь казался не ветром, а чьим-то тяжёлым дыханием.

Ещё один удар изнутри. Глухой, утробный. Будто дом сам выталкивал что-то из своих глубин.

Анна рванула обратно к крыльцу, перепрыгивая через ступеньки, пальцы уже тянулись к дверной ручке, когда дверь распахнулась сама. Резко, с визгом петель, будто её толкнули изнутри.

На пороге стоял Макс. Но это был не тот Макс, которого она знала. Он стоял, слегка наклонившись вперёд, плечи напряжены, пальцы сжаты в кулаки. И смотрел он не на неё — а куда-то сквозь неё, в точку за её спиной, будто видел там что-то такое, от чего кровь стыла в жилах.

— Не оборачивайся, — выдохнул он, и в его голосе не было ни усталости, ни снисходительности. Только первобытный, животный страх. — Не смотри туда.

— Куда? — прошептала Анна, но уже чувствовала, как затылок покалывает от чужого взгляда. — Макс, что ты видишь?

Он моргнул, будто выныривая из транса, и наконец посмотрел на неё. В его глазах плескалась паника, смешанная с чем-то ещё — с виной, которую он пытался спрятать.

— Ничего, — сказал он слишком быстро. — Ничего. Просто... просто показалось. Заходи. Тут холодно.

Но она не двинулась с места. Потому что теперь уже она сама чувствовала это — взгляд. Тяжёлый, липкий, изучающий. Будто кто-то стоял прямо у неё за спиной и дышал ей в волосы.

И тут она вспомнила про записку. Про строчку: «Не верь тому, кто говорит, что ничего не слышит».

— Ты врёшь, — сказала она тихо, и это прозвучало не как обвинение, а как констатация факта, от которой становилось только страшнее. — Ты что-то видел. Ты знаешь, что тут происходит.

Макс поморщился, будто от боли.

— Анна, хватит. Просто заходи.

— Нет, — она покачала головой, и дрожь, которую она так старательно прятала, наконец прорвалась наружу. — Скажи мне правду. Прямо сейчас. Что это за дом? Что за ритуал? Почему в тетради моё имя и завтрашняя дата?

Макс открыл рот, чтобы снова выдать какую-то успокаивающую ложь, но вдруг замер. Его взгляд скользнул куда-то выше её плеча, и лицо исказилось от ужаса.

— Господи... — прошептал он. — Она... она двигается.

Анна не выдержала. Инстинкт самосохранения проиграл любопытству и страху. Она резко обернулась.

За её спиной никого не было. Ни фигуры, ни тени, ни намёка на движение. Только пустой двор, покосившийся забор и листок на калитке, который теперь, казалось, смотрел на неё с насмешливым укором.

Когда она снова повернулась к Макс, тот уже не стоял на пороге. Он пятился вглубь прихожей, прижимая руки к лицу, будто хотел стереть увиденное.

— Она ползёт по стенам, — бормотал он, пятясь, пока не упёрся спиной в стену. — Как трещина. Как... как почерк.

И только тут Анна заметила. На стене, прямо над тем местом, где стоял Макс, тонкой, едва заметной линией тянулась тёмная полоса. Она действительно напоминала трещину, но двигалась. Медленно, плавно, извиваясь, как змея из чернил. И по мере того как она ползла вниз, штукатурка вокруг неё темнела, будто впитывала эту тьму.

Макс вдруг сорвался с места, метнулся мимо Анны на улицу, пробежал мимо неё, не глядя, и остановился только у калитки. Он схватил записку, сорвал её одним резким движением и скомкал в кулаке.

— Это всё из-за неё! — выкрикнул он, задыхаясь. — Из-за этой записки! Она притягивает это!

Анна медленно подошла к нему. Ветер трепал её волосы, но она почти не чувствовала холода. Она смотрела на смятый комочек бумаги в руке Макса и понимала: вот оно. Момент, когда они оба перестали притворяться, что всё в порядке.

— Что ты знаешь? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Что ты скрывал всё это время?

Макс разжал кулак. Листок упал к его ногам, и ветер тут же попытался утащить его прочь, но Анна успела наступить на край. Она наклонилась, расправила бумагу. Строчки были всё те же, но теперь внизу, там, где раньше была едва заметная приписка, проступили новые буквы. Будто их дописали чьей-то невидимой рукой прямо сейчас:

«Ритуал требует двоих. Один помнит. Другой забывает. Не нарушай порядок».

Анна подняла глаза на Макса. Тот смотрел на записку с таким ужасом, будто увидел там своё собственное надгробие.

— Я не хотел, чтобы ты знала, — прошептал он, голос его дрожал. — Я думал, если буду делать вид, что ничего нет, если буду убеждать тебя, что ты просто устала... может, оно оставит тебя в покое. Может, дом заберёт только меня.

— О чём ты? — прошептала Анна.

— Прошлые хозяева... они не просто так уехали. Они проводили ритуал, чтобы стереть из памяти что-то ужасное. И часть этого... осталась здесь. Дом питается чужими воспоминаниями. Он берёт одно — и отдаёт другое. Ложное. Чтобы ты начала сомневаться в себе. А я... я уже начал забывать, зачем мы сюда приехали. Я помню только, что должен тебя убедить, что ты сходишь с ума.

Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног. Всё вставало на свои места: мокрые следы, тетрадь, вещи в странных местах, соседка с рыжим котом, которой, по словам Макса, никогда не существовало. Дом не просто пугал их. Он переписывал их реальность.

— И что теперь? — спросила она, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Что нам делать?

Макс посмотрел на дом, на тёмные окна, на ползущую по стене чернильную трещину, которая теперь добралась до пола и начала виться вокруг ножки старого стула.

— Есть только один способ, — тихо сказал он. — Нам нужно найти то, что стёрли прежние хозяева. То, из-за чего они начали этот ритуал. Если мы вспомним это... возможно, дом потеряет над нами власть.

— А если мы не сможем? — голос Анны дрогнул.

Макс не ответил. Вместо этого он протянул ей руку.

— Тогда нам придётся рискнуть и сделать то, чего дом боится больше всего, — сказал он. — Вспомнить вместе. Даже если это будет самое страшное, что мы когда-либо знали.

Анна посмотрела на его руку, потом снова на дом. Где-то внутри, на чердаке, снова что-то глухо ударилось о пол.

Она вложила свою ладонь в его.

— Веди, — сказала она. — Пока я ещё помню, кто я такая.

Глава 4.

Лестница на чердак была узкой и скрипучей, будто каждый пролёт не хотел пускать их наверх. Анна держалась за перила так крепко, что костяшки побелели. Макс шёл впереди, и она видела, как напряжены его плечи — он не оглядывался, будто боялся, что если увидит её страх, то сам не сможет идти дальше.

Люк действительно был заколочен. Две толстые доски крестнакрест прибиты ржавыми гвоздями, будто кто-то не просто закрывал проход, а запечатывал его, как проклятое место. На дереве, прямо над стыком досок, кто-то выцарапал неровные символы — угловатые, будто торопились и царапали ногтями. Анна не узнавала знаков, но от них по коже бежало что-то холодное и липкое, как паутина.

— Ключ, — тихо сказала она, останавливаясь на последней ступеньке. — Ты говорил, его потеряли.

Макс кивнул, не сводя глаз с люка.

— Да. Но... я кое-что вспомнил. Вчера вечером, когда ты спала, я бродил по дому. И в ящике кухонного стола нашёл связку старых ключей. Один из них... он выглядел так, будто подходит к чему-то, что давно не открывали.

Он вытащил из кармана связку, звякнувшую в тишине слишком громко. Перебрал ключи, остановился на одном — тяжёлом, с зубцами, потемневшими от времени.

— Это он, — прошептал Макс. — Я чувствую.

Анна хотела спросить «как ты можешь чувствовать», но не стала. Сейчас любое «как» звучало бы глупо. Здесь всё чувствовалось иначе. Дом будто подслушивал каждое слово и подстраивался под него.

Макс поднёс ключ к замку. Тот сидел в гнезде криво, будто его давно никто не тревожил. Ключ вошёл с трудом, цепляясь за что-то внутри, и когда Макс повернул его, раздался скрежет — долгий, визжащий, как будто металл сопротивлялся.

Щелчок прозвучал неожиданно мягко. Будто замок сдался не от усилия, а от усталости.

Доски, прибитые крестнакрест, дрогнули. Не сами по себе — их потянуло вниз, будто невидимая сила решила, что хватит притворяться запертыми. Гвозди вылетели из дерева с тихим, почти обиженным чпоком, и доски упали вниз, подняв облако пыли.

Анна инстинктивно отшатнулась, прикрыв нос рукавом. Пыль повисла в воздухе, мерцая в редких лучах света, пробивавшихся сквозь щели в крыше.

Люк приоткрылся сам — не широко, всего на ладонь, но этого хватило, чтобы из темноты пахнуло холодом. Не уличным, не подвальным — сухим, старым, будто оттуда тянуло временем, которое слишком долго стояло на месте.

Макс потянулся, чтобы поднять крышку до конца, но Анна схватила его за руку.

— Подожди, — прошептала она. — Там что-то шевелится.

И правда: из щели донёсся тихий, ритмичный звук — будто кто-то перелистывал страницы. Или что-то царапало дерево изнутри.

Макс замер, прислушиваясь. Его пальцы под её ладонью были ледяными.

— Это не человек, — сказал он, и в его голосе не было уверенности, только попытка убедить себя. — Это просто... дом. Старые балки, ветер.

Но ветер не мог листать страницы.

Анна медленно отпустила его руку.

— Если там тетрадь... если она там, наверху... может, в ней написано, как остановить это.

Макс посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то новое — не страх, а решимость, горячая и тяжёлая.

— Тогда идём, — сказал он. — Но держись рядом. Если что-то начнёт происходить — не пытайся ничего понять. Просто беги.

Он потянул люк вверх. Петли застонали, как живые, и крышка распахнулась, открыв чёрную пасть чердака.

Лестничалюк опустилась сама, с глухим стуком ударившись о пол. По ступеням пробежала тень — не от света, не от движения, а будто сама тьма решила спуститься и посмотреть, кто пришёл.

Макс шагнул первым. Его ботинок глухо стукнул по первой перекладине. Анна пошла следом, чувствуя, как каждый шаг отдаётся, где-то в груди, будто дом считал их шаги и запоминал.

Наверху было темно, но не полностью. Где-то в глубине чердака мерцал слабый свет — не электрический, не от фонаря, а какой-то тусклый, маслянистый, будто горела старая лампа. Тени плясали по стенам, вытягиваясь и сжимаясь, словно пытались принять знакомые формы — лица, силуэты, забытые воспоминания.

Они поднялись до конца и встали на пыльный пол. Доски скрипели под ногами, но этот скрип был другим — будто дом не протестовал, а шептал: «Наконец-то».

В центре чердака, прямо под слуховым окном, стоял старый сундук. Его крышка была приоткрыта, а из щели выглядывал край пожелтевшей бумаги. Рядом лежала та самая тетрадь — та, которую Анна прятала в шкафу, а Макс доставал, будто она всегда была у него в руках. Теперь она лежала здесь, на гряде старых газет, и страницы её медленно шевелились, хотя ветра не было.

Макс сделал шаг вперёд, но Анна снова схватила его — на этот раз не за руку, а за рукав. — Смотри, — прошептала она, указывая на стену.

Там, прямо на досках, темнели выведенные углём строки. Не аккуратные, не ровные — будто писали в спешке, дрожащей рукой:

«Тот, кто помнит — платит. Тот, кто забывает — служит. Не пробуждай то, что спит, пока не готов проснуться навсегда».

Под надписью, почти стёртым, но всё ещё читаемым почерком, была приписка — та же рука, что дописала записку на калитке:

«Они пытались стереть ужас. Но ужас научился жить без памяти».

Макс тихо выругался сквозь зубы.

— Они не просто хотели забыть, — прошептал он. — Они пытались спрятать это. А дом... дом сделал это частью себя.

Анна подошла к сундуку. Её пальцы дрожали, но она не остановилась. Взяла тетрадь. Открыла на случайной странице.

Слова на странице не были теми, что она помнила. Это был не список имён. Это были обрывки фраз, наложенные друг на друга, как слои краски: один почерк поверх другого, третий поверх второго, будто несколько людей писали одновременно, не видя друг друга.

«Я не хочу помнить» «Оно приходит, когда гаснет свет» «Мы думали, что закрыли дверь» «Но дверь была внутри нас»

И внизу, самым свежим, самым чётким почерком — её собственный почерк, которого она не писала:

«Сегодня я наконец поняла: дом не стирает воспоминания. Он заставляет нас выбирать, что помнить. И каждый раз мы выбираем не то».

Анна подняла глаза на Макса.

— Я этого не писала, — сказала она тихо. — Но я чувствую, что это правда.

Макс подошёл ближе, посмотрел на страницу, и вдруг его лицо исказилось от внезапного, острого воспоминания.

— Мы не просто так сюда приехали, — выдохнул он. — Нас сюда... позвали. Ктото оставил объявление. Ктото хотел, чтобы мы сюда въехали. Чтобы ритуал продолжился.

Анна сжала тетрадь так, что бумага захрустела.

— Кто? — спросила она, и голос её звучал твёрже, чем она чувствовала себя на самом деле.

Макс покачал головой, будто пытаясь стряхнуть наваждение.

— Не знаю. Но если мы найдём то, что стёрли прежние хозяева... если вспомним, зачем мы здесь... возможно, у нас появится шанс.

Он наклонился к сундуку, протянул руку к бумагам внутри. И в тот момент, когда его пальцы коснулись пожелтевших листов, свет в чердаке дрогнул. Тени на стенах перестали быть просто тенями. Они начали складываться в фигуры — размытые, полупрозрачные, но узнаваемые.

Словно дом решил показать им, что именно он хранил все эти годы.

Глава 5.

Анна не думала. Она просто схватила верхний лист — тонкий, ломкий, будто сделанный не из бумаги, а из высохшей тишины. Едва пальцы сомкнулись на крае, как мир вокруг дрогнул, словно кто-то резко повернул ручку настройки, и всё поплыло.

Чердак исчез. Вместо него — кухня. Та же, но другая: чище, светлее, будто дом ещё не успел пропитаться тьмой. За столом сидели двое — мужчина и женщина. Их лица были напряжены, глаза красные от слёз и бессонных ночей. На столе — та самая тетрадь, но новенькая, с гладкой обложкой. Рядом — свечи, миска с солью, пучок сухих трав, от которых тянуло горечью.

Анна стояла посреди комнаты, невидимая, как сквозняк. Она чувствовала чужой страх — густой, тяжёлый, оседающий на языке пеплом.

— Мы должны это сделать, — голос женщины дрожал, но в нём была решимость. — Если мы не сотрём это из памяти... оно будет приходить каждую ночь. Оно уже знает наши имена.

Мужчина кивнул, стиснув кулаки так, что побелели костяшки.

— Ритуал требует двоих, — глухо сказал он. — Один должен помнить всё. Другой — забыть. Но забыть по-настоящему. Не просто не думать, а чтобы мозг сам вычеркнул это, как ошибку.

— А если... если я забуду не только это? — прошептала женщина. — Если я забуду нас?

Он посмотрел на неё долго, будто пытался запечатлеть каждую черту, чтобы сохранить хоть что-то.

— Тогда я буду помнить за двоих, — сказал он. — Пока смогу.

Они зажгли свечи. Женщина взяла тетрадь и начала писать — быстро, судорожно, будто слова сами рвались из неё. Мужчина тем временем чертил на полу углём сложный узор, линии сплетались в спираль, которая, казалось, затягивала в себя свет.

Когда всё было готово, они встали в центр узора, держась за руки. Женщина закрыла глаза и начала читать вслух то, что написала. Голос её становился всё тише, пока не превратился в шёпот, который, казалось, шёл не из её горла, а откуда-то извне.

И тут Анна почувствовала, как что-то холодное коснулось её сознания — не снаружи, а изнутри, будто кто-то осторожно провёл ледяной иглой по самым ярким воспоминаниям. Она хотела закричать, но не могла — она была не собой, она была той женщиной, она чувствовала, как из неё вытягивают память, как она сопротивляется, цепляется за образы: запах кофе по утрам, смех ребёнка, тепло руки мужа... и как всё это медленно растворяется в темноте.

Последнее, что женщина успела прошептать, прежде чем тьма поглотила её голос:

— Не позволяйте ему... не позволяйте дому выбирать, что помнить.

Вспышка. Резкий, болезненный возврат в реальность.

Анна отшатнулась, выронив лист. Он упал на пол, кружась, как осенний лист, и тут же почернел по краям, будто его коснулся огонь.

Она стояла на чердаке, тяжело дыша, чувствуя, как слёзы текут по щекам, хотя плакать ей было не от чего — или от всего сразу. Макс был рядом, он держал её за плечи, смотрел в глаза, будто боялся, что она снова исчезнет.

— Анна! — его голос звучал глухо, будто доносился сквозь толщу воды. — Что ты видела? Что случилось?

Она сжала кулаки, ногти впились в ладони — эта боль была настоящей, земной, она помогала держаться.

— Я видела их, — прошептала она, голос был чужим, хриплым. — Прежних хозяев. Они пытались стереть воспоминание. Но дом... дом не позволил ему исчезнуть. Он забрал его себе. И теперь он делает то же самое с нами.

Макс побледнел.

— Что именно они пытались забыть? — спросил он, будто боялся услышать ответ.

Анна покачала головой.

— Я не знаю. Я не видела самого ужаса. Только их страх. Но я поняла главное: ритуал работает так, что один помнит, а другой забывает. И дом питается этим разрывом. Он хочет, чтобы мы перестали доверять друг другу. Чтобы ты убеждал меня, что я схожу с ума, а я... я начинала в это верить.

Макс отпустил её плечи, сделал шаг назад, и в его глазах мелькнуло понимание, смешанное с ужасом.

— Вот почему я всё время говорил тебе, что ты ошибаешься, — тихо сказал он. — Он не верил тебе, а дом заставлял меня так думать. Как будто внутри меня сидел чужой голос, который шептал: «Успокой её. Скажи, что это усталость. Не дай ей вспомнить».

Анна посмотрела на сундук, на тетрадь, на стены, покрытые чужими словами. Теперь она видела в них не просто каракули — она видела следы борьбы. Люди пытались предупредить тех, кто придёт после них.

— Они оставили нам подсказки, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Эти надписи, тетрадь, записка на калитке... всё это — их попытки пробиться сквозь тьму. Они знали, что дом будет стирать память, и пытались оставить хоть что-то, что нельзя забыть.

Макс наклонился и поднял почерневший лист, который Анна выронила. Он не рассыпался в пепел, но стал хрупким, как засохшая листва.

— Значит, чтобы остановить это, — медленно произнёс он, — нам нужно сделать то, чего дом боится больше всего.

— Вспомнить вместе, — закончила за него Анна. — Не дать ему разорвать нашу связь.

В этот момент тени на стенах снова шевельнулись. На этот раз они не складывались в фигуры — они тянулись к сундуку, к бумагам, будто хотели спрятать их, уничтожить последние следы чужой памяти.

— Быстрее, — выдохнул Макс. — Найди что-нибудь ещё. Что-то, что поможет нам удержать реальность.

Анна снова шагнула к сундуку. Внутри, под грудой бумаг, что-то блеснуло — металлический уголок. Она потянула, и на свет показалась маленькая жестяная коробочка, покрытая тонким слоем ржавчины. На крышке — выцветшая наклейка: «Фото. Не выбрасывать».

Дрожащими пальцами она открыла её. Внутри лежали три чёрнобелые фотографии. На первой — те самые прежние хозяева, улыбающиеся на фоне этого самого дома. На второй — пустая комната, но в углу, там, где сейчас висела полка, виднелась тёмная трещина в стене — та самая, похожая на ползущую тень. А на третьей... на третьей был снимок, от которого у Анны кровь застыла в жилах.

На нём был изображён мужчина — тот самый, который проводил ритуал. Но смотрел он не в камеру. Он смотрел прямо на Анну. И в его взгляде было не отчаяние, а предупреждение. А под фото, выцветшими чернилами, была надпись:

«Не дайте ему выбрать, кто будет помнить. Держитесь друг за друга. Пока вы вместе — он бессилён».

Анна подняла глаза на Макса.

— Он знал, что кто-то придёт, — прошептала она. — Он оставил это для нас.

Тени на стенах сгустились, превращаясь в плотную, маслянистую тьму, которая начала стекать по доскам, как чернила. Дом понял, что его план рушится.

— Нам нужно выйти отсюда, — резко сказал Макс, хватая Анну за руку. — Прямо сейчас. Пока он не отрезал нам путь.

Но когда они бросились к люку, тот захлопнулся сам. С глухим, окончательным стуком. Лестницалок поднялась вверх, скрывая выход.

Они оказались заперты на чердаке. А тьма вокруг становилась всё гуще.

Глава 6.

Анна прижала фотографию к груди — не как вещь, а как якорь, будто холод старой бумаги мог удержать её в реальности. И в тот же миг шёпот ворвался в голову — не снаружи, не из темноты, а изнутри, как воспоминание, которого у неё никогда не было.

«Не пытайся бежать от него, — голос был усталым, надтреснутым, будто его долго хранили в тишине. — Он питается страхом и разлукой. Пока ты цепляешься за то, что знаешь, он будет стирать это. Но если ты позволишь правде стоять рядом с ложью — если не станешь выбирать, что помнить, а что забыть, — у него не будет опоры».

Анна вздрогнула, но не отпустила снимок.

— Что? — выдохнул Макс, глядя в её лицо, будто пытался прочесть ответ по теням на коже. — Что ты слышишь?

— Он говорит... — Анна с трудом вытолкнула слова, потому что шёпот всё ещё звучал в висках, перекрывая её собственный голос. — Не бороться с тем, что дом подсовывает. Не кричать «это неправда». Просто... не отвергать. Держать и правду, и ложь рядом. Пока мы помним, что мы — вместе, он не сможет нас разделить.

Тьма вокруг сгустилась, стала плотной, как мокрый бархат. Она не просто стекала по стенам — она пыталась проникнуть под кожу, нашептывать: «Ты не знаешь, кто он. Ты не помнишь, как вы сюда приехали. Ты придумала всё это».

Макс шагнул ближе, почти вплотную, так, что она чувствовала тепло его дыхания.

— Тогда скажи мне, — резко, почти грубо, будто хотел разбить эту липкую тишину. — Скажи что-нибудь настоящее. Что-то, что я знаю. Что мы оба знаем.

Анна сжала фотографию до хруста в пальцах. И заговорила — быстро, сбивчиво, цепляясь за каждое слово, как за поручень над пропастью:

— Мы познакомились в кофейне у вокзала. Ты пролил кофе на мой конспект, а потом купил ещё один стакан и сказал, что это компенсация за испорченную физику. Я не поверила, что ты не заметил, как я весь день смотрела на тебя. А ты сказал: «Я заметил. Просто ждал, пока ты решишься подойти первой».

Макс замер. На секунду в его глазах мелькнуло то, чего не было уже несколько дней — узнавание. Настоящее, тёплое, живое.

— Ты ещё долго ворчала, — тихо сказал он, будто пробуя слова на вкус, как что-то давно забытое и вдруг найденное. — А потом мы пошли гулять, и ты рассказывала про звёзды, которых не видно в городе, и обещала показать место, где их видно все сразу.

Анна кивнула, не сводя с него глаз.

— И мы нашли это место, — прошептала она. — На старой смотровой площадке. Ты сказал, что там небо кажется ближе, будто можно дотянуться.

Шёпот в голове стал тише. Не исчез — он шипел где-то на краю сознания, пытался перекрыть их слова: «Это неправда. Это ты придумала. Он не помнит. Он просто поддакивает».

Но Анна не слушала. Она смотрела на Макса и продолжала:

— Ты обещал, что однажды мы купим дом, где будет большая веранда и сад, и где по утрам слышно птиц, а не машины. И когда мы увидели это объявление... я подумала, что это шанс. Что это будет наш дом.

Макс протянул руку и коснулся её пальцев — не резко, а осторожно, будто боялся спугнуть этот момент.

— Я помню, — сказал он, и голос его дрогнул, но не от страха, а от усилия. — Я помню, как ты улыбалась, когда мы ехали сюда. Как ты говорила: «Наконец-то у нас будет своё место».

Тени на стенах вздрогнули, будто от удара. Маслянистая тьма отступила на полшага, стала тоньше, прозрачнее. Она всё ещё была там, но уже не давила — она сопротивлялась.

И тут шёпот снова коснулся сознания Анны, но теперь он звучал не как угроза, а как инструкция — сухая, торопливая, будто время поджигало:

«Ритуал держится на разделении. На том, что один помнит, а другой забывает. Чтобы разрушить его, нужно разорвать эту цепь. Пусть оба помнят. Пусть оба признают, что видят одно и то же — даже если это страшно. И пусть оба скажут это вслух, глядя друг другу в глаза».

Анна подняла взгляд на Макса. В полумраке чердака его лицо казалось вырезанным из света и тени, но глаза были ясными.

— Я вижу это, — сказала она твёрдо, не отводя взгляда. — Я вижу тьму. Я вижу, как она ползёт по стенам. Я вижу, что люк закрыт. И я знаю, что ты видишь то же самое.

Макс медленно кивнул.

— Да, — произнёс он, и каждое слово давалось ему тяжело, будто он проталкивал их сквозь сопротивление дома. — Я вижу. Я вижу тени. Я вижу, как они пытаются нас разъединить. И я вижу тебя. Я вижу, что ты боишься, но не сдаёшься.

Они стояли так, лицом к лицу, держась за руки, и повторяли вслух всё, что видели: трещины, ползущие по доскам; тьму, которая пыталась принять форму знакомых людей; скрип балок, который звучал как чужой смех. Они называли это, не пытаясь объяснить, не пытаясь убедить друг друга, что «всё нормально», а просто признавая: «Я вижу это. И ты видишь это. Мы видим это вместе».

С каждым словом тьма слабела. Она шипела, как вода на раскалённом железе, и отступала, растворяясь в воздухе. Символы на стенах тускнели, будто их стирали мокрой тряпкой. Чернильная трещина на полу рассыпалась на отдельные точки и исчезла.

Люк наверху дрогнул. Лестничалюк медленно опустился с глухим стуком, будто дом наконец признал, что проиграл.

Макс потянул Анну за руку.

— Пойдём, — прошептал он. — Пока он не придумал что-то ещё.

Они спустились по скрипучим ступеням, держась друг за друга, не оглядываясь. Когда они оказались внизу, в прихожей, дом будто выдохнул — не с облегчением, а с досадой. Тишина стала обычной, домашней, без подтекста.

Анна посмотрела на фотографию, которую всё ещё сжимала в руке. Мужчина на снимке больше не смотрел на неё с предупреждением. Теперь в его взгляде читалось... облегчение.

Макс подошёл к окну и резко распахнул створку. В дом ворвался холодный воздух, пахнувший дождём и мокрой травой — живой, настоящий.

— Мы сделали это, — тихо сказал он, словно боялся спугнуть удачу. — Мы не дали ему нас разделить.

Анна медленно опустила фотографию.

— Но дом всё ещё здесь, — прошептала она. — И он не любит проигрывать.

Где-то наверху, на чердаке, что-то глухо ударилось о пол. Один раз. Ровно. Как отсчет.

Глава 7.

Они не стали тратить время на чемоданы и аккуратные стопки вещей. В этом доме любая задержка казалась предательством здравого смысла. Анна схватила куртку, Макс — ключи от машины, и они метнулись к прихожей, будто боялись, что пол под ногами вот-вот разверзнется.

Но дом не пытался их удержать. Он больше не скрипел угрожающе и не швырял тенями по углам. Теперь он был тихим — и от этой тишины становилось только страшнее. Тишина звучала как пауза перед вдохом.

В спешке Анна схватила сумку, бросила туда телефон, паспорт, пару футболок — и уже хотела застегнуть молнию, но вдруг замерла. Фотография. Та самая, с предупреждением. Она лежала на столе, куда Анна её положила, будто дом нарочно выставил её напоказ, чтобы они не забыли.

Анна быстро сунула снимок в карман джинсов. Плотная бумага хрустнула, уголки больно впились в бедро — но она не стала переключивать. Пусть будет близко. Пусть греет, как маленький упрямый огонёк.

— Готова? — голос Макса звучал непривычно громко в этой звенящей тишине. Он уже распахнул входную дверь, и оттуда тянуло сырой свежестью и свободой.

— Да, — выдохнула Анна и шагнула за порог, не оглядываясь.

Они почти бежали к машине. Макс щёлкнул брелоком, двери пискнули, и этот обычный, до боли знакомый звук вдруг показался самым прекрасным на свете. Анна нырнула на пассажирское сиденье, вцепилась пальцами в ремень безопасности, будто он мог удержать не только её тело, но и всю реальность целиком.

Макс сел за руль, руки у него слегка дрожали, пока он вставлял ключ в зажигание. Двигатель взвыл, оживая, и этот гул был как голос внешнего мира: «Ты здесь. Ты настоящая».

Машина рванула с места, разбрасывая гравий из-под колёс. Дом отступал назад, становясь меньше, темнее, будто съеживался от света фар. И всё же Анна не могла заставить себя не смотреть на него. Она обернулась, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

Окна второго этажа, где был чердак, казались чёрными провалами. Но в одном из них, на секунду, мелькнуло что-то — не тень, не движение, а будто отблеск, как если бы кто-то провёл по стеклу ладонью изнутри.

Или Анне просто хотелось так думать.

Она закрыла глаза.

Дорога петляла между деревьями, фары выхватывали из темноты мокрые стволы и лужи, похожие на осколки зеркала. Макс молчал, крепко сжимая руль. Анна тоже не пыталась говорить. Слова сейчас были лишними — они могли спугнуть это хрупкое чувство, что они вырвались.

Когда за поворотом показались огни трассы — редкие, жёлтые, такие обычные, что от них хотелось плакать, — Анна наконец выдохнула.

— Мы уехали, — тихо сказала она, скорее себе, чем Макс. — Мы правда уехали.

Макс коротко кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Да. Но... — он запнулся, и в этом «но» было столько всего, что Анна сразу поняла: он тоже не верит, что это конец. — Но я не хочу, чтобы мы делали вид, что ничего не было. Если вдруг... если я снова начну говорить, что тебе показалось, или что ты устала...

— Тогда ты скажешь мне про кофе, — спокойно перебила Анна. — Про тот день в кофейне. И я скажу про смотровую площадку. И мы будем держаться за это.

Макс слабо улыбнулся — впервые за долгое время улыбка не была натянутой.

— Договорились, — сказал он. — За кофе и звёзды.

Анна опустила руку в карман, пальцы нащупали жёсткие уголки фотографии. Она не стала доставать её. Просто посидела так, чувствуя этот маленький якорь.

А потом посмотрела в окно, на проносящиеся мимо деревья и редкие огоньки домов, и подумала, что, возможно, самое страшное — не то, что прячется в старых домах. А то, как легко можно потерять себя, если рядом нет того, кто помнит тебя настоящего.

И пока Макс вёл машину прочь от этого места, Анна тихо шепнула в темноту салона:
— Спасибо, что не дал мне забыть.

Глава 8.

Макс заглушил мотор у заправки, и тишина ударила по ушам — такая плотная, будто звук просто не мог здесь существовать. Даже ветер стих. Над колонками висел жёлтый свет фонарей, но он не разгонял темноту — он только делал её гуще, вычерчивая резкие тени.

Анна вышла из машины, и сразу почувствовала: воздух тут другой. Не просто холодный — тяжёлый, будто в нём плавали крупинки пепла. Она провела ладонью по рукаву куртки — ткань казалась чуть липкой, как будто её только что достали из сырого шкафа.

Макс уже подошёл к кассе, привычно кивнул оператору. Всё выглядело до тошноты нормально. И от этого было страшнее всего.

Анна остановилась у колонки, посмотрела на своё отражение в стекле. И вдруг поняла: она не узнаёт себя. Лицо было её, но выражение — чужое. Спокойное. Пустое. Как у человека, который уже смирился с чем-то плохим.

Она моргнула — и отражение моргнуло с задержкой. На долю секунды. Но этого хватило, чтобы внутри всё оборвалось.

«Не смотри долго», — шепнуло что-то в затылке, чужим, скрипучим голосом, будто кто-то провёл гвоздём по стеклу.

Анна резко отвернулась. И тут заметила, что на асфальте у её ног что-то лежит. Маленькая, почти незаметная вещь — пуговица. Старая, костяная, с четырьмя дырочками. Точно такая же была на пальто той женщины с рыжим котом — той, которую Макс уверял, что никогда не существовало.

Анна наклонилась, чтобы поднять её, и в этот момент краем глаза увидела движение. Не сбоку, не впереди — прямо под землёй. Асфальт у края парковки будто шевельнулся, как кожа на боку спящего зверя. Трещина пробежала от колонки к бордюру, тонкая, как волос, и тут же затянута.

— Анна! — голос Макса прозвучал неожиданно громко. Он уже стоял рядом, протягивал ей стаканчик кофе. — Ты чего застыла? Пойдём, сядем в машину, тут как-то... неудобно.

Он тоже это чувствовал. Хоть и не понимал.

Она хотела взять кофе, но рука не слушалась. Вместо этого она сжала пуговицу в кулаке, чувствуя, как острые края врезаются в кожу. Боль была хорошей. Реальной.

И тут из-за здания заправки, из тёмного проёма между стеной и мусорным контейнером, вышла фигура. Не человек — слишком прямая, слишком неподвижная. Она двигалась без шагов, просто оказывалась то тут, то там, будто её переставляли, как шахматную фигуру.

На секунду она остановилась. Повернула голову — не плавно, а рывком, как сломанная кукла. И посмотрела прямо на Анну.

У неё не было лица. Просто гладкая, серая поверхность, как заштукатуренная стена. Но Анна знала: она смотрит. Чувствовала этот взгляд, как ледяной палец, скользящий по позвоночнику.

Макс ничего не видел. Он поправил шарф, зевнул, будто хотел стряхнуть сонливость.

— Поехали, а? — сказал он. — Тут какой-то сквозняк.

Фигура снова шевельнулась. Теперь она стояла у двери в магазин. И держала в руке что-то длинное и тёмное. Что-то, что медленно покачивалось, как маятник.

Анна шагнула вперёд, загоразивая Макса.

— Не смотри туда, — выдохнула она, сама не понимая, откуда взялись эти слова.

— Куда? — Макс нахмурился. — Анна, ты меня пугаешь.

Фигура подняла предмет. Это был ключ. Большой, ржавый, точно такой же, как тот, которым они открывали люк на чердак. Только теперь он был покрыт чем-то тёмным. Не ржавчиной.

Капля сорвалась с зубцов и упала на асфальт. И там, где она коснулась земли, асфальт снова шевельнулся.

В магазине звякнул колокольчик. Оператор вышел на крыльцо, посмотрел по сторонам, будто что-то искал. И вдруг замер, уставившись прямо на фигуру. Его лицо исказилось — не от страха, а от узнавания. Как будто он видел кого-то, кого очень давно ждал.

— Вы... — прошептал он. — Вы вернулись.

Фигура не ответила. Она просто качнула ключом. И в этот момент все лампы на заправке мигнули. Не один раз — три. В ритме шагов.

Тишина стала абсолютной. Даже далёкий гул трассы исчез. Остался только звук капающей жидкости. Кап. Кап. Кап.

Макс наконец заметил, что что-то не так. Он посмотрел на Анну, потом на оператора, потом на тёмный угол у контейнера. И его лицо вдруг стало таким, каким Анна его не видела с самого приезда в дом — испуганным по-настоящему.

— Что это? — прошептал он, и голос его дрогнул. — Что там стоит?

Анна хотела ответить, но не успела. Фигура сделала шаг. И асфальт под её ногами не прогнулся — он просто перестал быть асфальтом. Там, где она ступала, земля превращалась в тёмную, вязкую массу, похожую на чернила.

Оператор медленно опустился на колени, будто его потянули за невидимые нити. Он протянул руку к фигуре, не к ключу, а к её безликому лицу.

— Простите, — прошептал он. — Я не смог его удержать.

Фигура наклонила голову. И в этот момент из магазина донёсся звук — тихий, но отчётливый. Кто-то переворачивал страницы. Как в той тетради.

Анна схватила Макса за руку. Пальцы у него были ледяными.

— Бежим, — сказала она, и это было не предложение, а приказ. — Прямо сейчас.

Они рванули к машине. Макс на ходу щёлкнул брелоком, двери пискнули — этот звук прозвучал как крик в тишине. Анна нырнула на сиденье, захлопнула дверь, щёлкнула ремнём. Макс уже был за рулём, ключ в замке зажигания дрожал в его руке.

Двигатель взвыл, оживая. Машина рванула с места, колёса заскользили по чему-то липкому, будто по маслу. Анна обернулась.

Заправка уменьшалась, отдалялась. Фигура стояла посреди парковки, всё такая же прямая, неподвижная. В одной руке — ключ, в другой — что-то ещё. Что-то маленькое и светлое.

Пуговицу. Ту самую, которую Анна подняла.

Фигура поднесла её к своему безликому лицу — если это можно было назвать лицом. И пуговица исчезла. Просто растворилась в серой поверхности.

А потом фигура подняла руку и медленно, очень медленно, указала вслед уезжающей машине.

Не угрожающе. Просто отмечая направление.

Как будто говорила: «Я знаю, где ты».

Макс вцепился в руль, глаза широко раскрыты, на виске бьётся жилка.

— Кто это был? — хрипло спросил он. — Что это было?

Анна смотрела вперёд, на дорогу, которая теперь казалась бесконечной лентой, уводящей их не прочь от опасности, а прямо в неё.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Но я знаю одно: оно не отпустит.

Фары выхватили из темноты дорожный знак. Обычный, серый, с облупившейся краской. Но надпись на нём была не про километры. На нём чёрными, грубо намалёванными буквами было выведено:

«ДОМ ЖДЁТ».

Глава 9.

Макс резко крутанул руль, сворачивая на узкую просёлочную дорогу, которую Анна раньше не замечала — ту, что уходила в лес, прочь от трассы, прочь от всего. Машина затряслась на ухабах, фары выхватывали из темноты стволы деревьев, стоявших слишком близко друг к другу, будто лес нарочно сжимал кольцо.

— Тут должен быть выезд к посёлку, — бормотал Макс, вглядываясь в темноту, как будто надеялся увидеть дорожный указатель, который вдруг всё исправит. — Я помню, тут была развилка...

Но развилки не было. Дорога петляла, ныряла вниз, поднималась вверх, и каждый раз, когда они преодолевали очередной поворот, впереди мелькало что-то до боли знакомое.

Анна смотрела в боковое зеркало — и с каждым метром её сердце стучало всё глуше, будто само хотело замолчать, чтобы не привлекать внимания. Потому что пейзаж за спиной менялся, но итог был один: через пять минут тряски по кочкам они снова выезжали на ту самую грунтовку, что вела к дому.

В третий раз, когда впереди показались ворота — покосившиеся, с ржавой цепью, — Макс ударил по тормозам так резко, что машину занесло. Двигатель заглох. В салоне повисла тишина, густая и липкая, как смола.

— Это невозможно, — прошептал он, глядя прямо перед собой, на ворота, которые будто выросли из темноты специально, чтобы их встретить. — Мы ехали в другую сторону. Мы кружили по лесу, мы спускались к реке... Как мы снова здесь?

Анна не ответила. Она уже не пыталась искать логику. Логика здесь не работала. Вместо этого она смотрела на лобовое стекло, где на гладкой поверхности медленно проступали тонкие линии. Как трещины. Как чернильные дорожки. Они ползли от верхнего края к центру, складываясь в узор — не случайный, а знакомый. Точно такой же, как на досках чердака.

Макс заметил это одновременно с ней. Он протянул руку, будто хотел стереть, но замер, не коснувшись стекла.

— Не трогай, — тихо сказала Анна. — Оно как будто... пишет.

Узор замкнулся. И в самом центре, прямо напротив руля, проявилась короткая надпись, будто кто-то вывел её изнутри стекла:

«Ты не можешь уехать, потому что ты уже здесь».

Макс отшатнулся, ударившись затылком о подголовник.

— Что это? — голос его сорвался на хрип. — Что с этой дорогой? С этим местом?

Анна сжала кулаки. Пальцы до сих пор хранили ощущение от той пуговицы — твёрдое, реальное. Она сунула руку в карман, нащупала её, вытащила. Пуговица лежала на ладони, тёплая, будто нагрелась от её страха. И на гладкой стороне теперь виднелись не просто дырочки — между ними проступали крошечные насечки. Три цифры. Та самая дата из тетради. Сегодняшняя.

— Мы не можем уехать, — медленно произнесла Анна, чувствуя, как слова падают в тишину, как камни в колодец. — Не потому, что дороги нет. А потому что дом... он не просто стоит на месте. Он сам выбирает, где мы находимся. Пока мы внутри его границ — мы никуда не денемся.

Макс посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло понимание — горькое, безнадёжное.

— Значит, надо выйти за границы, — сказал он, и в этом не было храбрости, только отчаяние, которое ищет хоть какой-то выход. — Надо идти пешком. По прямой. Через лес. Пока не дойдём до чего-то... настоящего. До другого посёлка, до железной дороги, до чего угодно, что не принадлежит этому месту.

Он потянулся к ручке двери, но Анна схватила его за запястье.

— Нет, — прошептала она. — Не выходи. Не сейчас. Посмотри.

Она кивнула в сторону ворот. Те были приоткрыты — совсем чуть-чуть, на ладонь. Но щель между створками была не тёмной. Она светилась. Не ярким светом, а тусклым, маслянистым, как тот, что мерцал на чердаке. И из этой щели тянуло холодом, который не бывает в природе. Холодом, который пахнет пылью и старыми страницами.

Из дома донёсся звук. Тихий, но отчётливый. Скрип половицы. Кто-то — или что-то — ходил по прихожей. Медленно, размеренно, будто проверяло, всё ли на своих местах.

Макс замер, прислушиваясь. Его пальцы под ладонью Анны стали ледяными.

— Там кто-то есть, — выдохнул он.

— Или оно просто хочет, чтобы мы так думали, — ответила Анна, но сама не верила своим словам. Потому что звук повторился. И ещё раз. Теперь ближе. Будто тот, кто ходил, подошёл к входной двери. И теперь стоял там, прислушиваясь к тишине машины.

И тут фары, которые они не выключали, мигнули. Один раз. Потом второй. И погасли. Не перегорели — просто выключились, будто кто-то щёлкнул выключателем снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.